

СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ. ИТАЛИЯ. МИЛАН.

18+

ТАТЬЯНА ПРОКОПЬЕВА

Арсения Костромская

Поправка

«Автор»

2026

Костромская А.

Поправка / А. Костромская — «Автор», 2026

Прошёл год после того, как Александра Веденеева вошла в совет директоров «ВЕДА-Аналитики» наследницей контрольного пакета. Год тишины. Год обычной работы. Год, в который она впервые в жизни поверила, что у неё в жизни есть дом — её муж Кирилл, кофейня «Бергамо» через дорогу, отец, который наконец стал отцом. Сообщение приходит в три часа двенадцать минут ночи. «Александра Викторовна. Поздравляю с двадцатидевятилетием. Я вам очень благодарна за тот год спокойствия, который вы мне дали. Теперь — у нас с вами разговор. — П.» Саша и Кирилл умеют ловить хакеров. Они уже сделали это однажды. Только эту вторую партию ведёт не хакер.

© Костромская А., 2026

© Автор, 2026

Арсения Костромская

Поправка

Глава 1

Глава 1. Сообщение в три ночи

Сообщение пришло в три часа двенадцать минут. Без вибрации, без звука — Саша держала телефон на ночном беззвучном режиме уже два года, с тех пор как Кирилл перебрался к ней на Цветной по-настоящему, со всеми вещами. Просто в темноте комнаты, на тумбочке у кровати, проступил тонкий жёлтый прямоугольник. И этот прямоугольник она почему-то увидела сквозь закрытые веки — так, как видят сон.

Она открыла глаза.

Кирилл рядом дышал ровно — у него за два с половиной года в новой жизни наконец появилась привычка спать на одной стороне, ровно и долго, без рывков. Гёдель лежал в ногах, тяжёлый, серый, спокойный. За окном гудела одна одинокая поливальная машина — она в этом районе всегда выходила в три ночи, и Саша уже успела привыкнуть к её звуку.

Она протянула руку, взяла телефон.

«Александра Викторовна. Поздравляю с двадцатидевятилетием. И — с годом во главе компании. Я вам очень благодарна за тот год спокойствия, который вы мне дали. Теперь — у нас с вами разговор. — П.»

Сообщение было первое за двенадцать месяцев.

Год назад, ровно через двенадцать часов после того, как отец передал ей пятьдесят один процент акций, на этот же её телефон пришло одно короткое сообщение: «Поздравляю с пятьдесят одним процентом. Скоро увидимся. — П.» Тогда Саша приняла его всерьёз, но не успела: следующий день не принёс продолжения, и третий, и седьмой. Через месяц она бросила проверять защищённый канал; через три перестала перепроверять источник; через шесть — внутренне согласилась со словами Кирилла, что «П.» — это, скорее всего, кто-то из бывших сотрудников Полонского, которому захотелось напугать молодую наследницу и переключиться на новую работу. К году они с Кириллом про «П.» уже не вспоминали.

Сейчас, в три двенадцать ночи, под старым сообщением, отправленным двенадцать месяцев и десять дней назад, проступило новое.

Тот, кто его писал, ждал ровно столько, чтобы у Саши успело отойти первое настороже. И ровно столько, чтобы — Саша это поняла мгновенно — её двадцать девять лет вступили в силу.

Она лежала ещё минуту. Не разбудила Кирилла. Не нажала «ответить». Не пересмотрела никаких настроек безопасности. Только медленно повернула голову к окну и долго смотрела на верхний угол стеклянной башни через два двора. На двадцать втором этаже свет, разумеется, не горел — отец уехал на дачу час назад. Башня была чёрная. Только маленькая красная мигалка авиамакты под крышей мерно дышала: раз, два, раз, два, раз.

Потом она медленно встала. Накинула халат. Прошла на кухню. Налила себе стакан воды без газа. Села на пол, спиной к холодильнику, и взяла телефон второй раз.

«Сашка», — написала она в чат с Милой, не пользуясь голосовым, чтобы не разбудить Кирилла. — «Когда ты сегодня свободна?»

Мила, которая всю свою взрослую жизнь спала с включённым телефоном у головы и не считала это патологией, ответила через девяносто секунд: «В одиннадцать у меня клиент. В двенадцать тридцать тебя жду в нашей чайной. Что случилось?»

«Расскажу. Не пиши пока ничего по нашей теме».

«Поняла».

Саша положила телефон. Поднялась с пола. Налила себе ещё стакан. И впервые за двадцать четыре часа — нет, впервые за двенадцать месяцев — ощутила в животе тот специфический холод, который у неё последний раз возникал в апреле два года назад, когда она в первый раз почувствовала, что Кирилл — это «С.» Не страх. Не тревога. Подъём аналитического аппарата. Внутренний голос, который умел делать одну вещь — ставить во главу всякой утренней мысли вопрос: «Что я не вижу?»

Она вернулась в спальню. Села на край кровати. Кирилл, не открывая глаз, протянул руку через одеяло и положил её на её бедро.

— Не спишь.

— Не сплю.

— Что-то не так?

Она долго думала, как ответить. Потом сказала, очень коротко:

— «П.» вернулась.

Кирилл открыл глаза.

В темноте комнаты они посмотрели друг на друга молча. У него на лице не было ни удивления, ни паники. Только тот самый его собственный взгляд начальника службы безопасности крупной компании, который у него появлялся в худшие профессиональные минуты, — лицо без выражения, со зрачками во весь радиус.

— Покажешь?

— Покажу. Не сейчас. За завтраком.

— Хорошо.

— Кирилл.

— Да.

— Я не хочу, чтобы у нас сегодня в семь утра началась паника. У нас по графику годовой отчёт по фонду «Старый Семён», у меня в одиннадцать встреча с отцом и Шестаковой, у тебя в десять плановое от Зимина. Я хочу, чтобы мы с тобой эти три часа отыграли спокойно. Я хочу свой обычный кофе, я хочу, чтобы Гёдель полежал на моих ногах ещё хотя бы час, я хочу, чтобы у нас сегодня было нормальное утро прежде, чем нам в нос принесут эту партию. Можно?

— Можно.

Он закрыл глаза. Через сорок секунд снова дышал ровно — он один из тех редких людей, которые, узнав о пожаре, умели уснуть на пять часов перед тем, как идти его тушить. Саша эту его способность уважала и ей завидовала.

Она не уснула.

К утру у неё в голове был готов план первых сорока восьми часов.

В семь сорок пять, когда Кирилл, ещё в своей домашней пижаме, варил им двум кофе, Саша уже сидела за кухонным столом с открытым ноутбуком. Она не показывала ему сообщение, не вызывала экстренного режима. Она работала ровно так, как работает СЕО, у которого в почте появилась одна интересная задача, которую он намерен решить до девяти утра.

— Кирилл.

— Да.

— Ты сегодня в офисе во сколько?

— У меня в десять плановый разбор с Зиминим. Он мне передаёт остаток квартальных протоколов перед своей пенсией. Зачем?

— Можешь сдвинуть на четырнадцать?

Он повернулся от плиты. Посмотрел на её лицо. Не задал вопросов.

— Сдвину.

— Спасибо.

— Что-то ещё?

— Случилось одно сообщение, не сегодня — год назад. С продолжением сегодня в три ночи. Я тебе покажу его за завтраком. Я не хочу, чтобы оно у нас было первым, что мы сегодня обсуждаем. Дай нам ещё двадцать минут нормального утра.

— Хорошо.

Он повернул ручку плиты, выложил на тарелку их обычный завтрак — два варёных яйца, ржаной тост, сыр. Гёдель пришёл, тяжело уронился ей на ноги. На холодильнике — фотография: Саша и Кирилл в Бергамо, прошлый август, оба смеются, Тимофей снял. На подоконнике — горшок с базиликом, который Саша назло отцовским сомнениям успешно вырастила за зиму.

Они молча позавтракали. Кирилл налил вторую чашку. Саша развернула к нему ноутбук.

— Вот, — сказала она, — два сообщения. Первое — год назад. Второе — сегодня в три двенадцать.

Кирилл прочитал. У него на лице ничего не дрогнуло. Это было одно из тех его редких выражений, которое появилось у него только в этом году, — лицо начальника службы безопасности, который читает плохую новость как технический документ, без эмоции, потому что эмоция позже.

— Откуда?

— Анонимный аккаунт, новый. Создан вчера в восемнадцать ноль восемь. На номер с виртуальным префиксом. С эстонского пула.

— Технически проверял?

— Нет. Я хотела сначала тебе показать, до Лесновского, до Зимина, до отца. Технически — это, очевидно, чисто. Тот, кто пишет, знает, как нам не оставить хвост. Меня интересует не «откуда». Меня интересует «зачем именно сегодня».

— И?

— И вот моя версия. Тот, кто пишет, знает три вещи. Первое — что у меня вчера было двадцатидевятилетие. Это знала, в принципе, половина страны: «Двоеточие» вчера опубликовало большой портрет, мне принесли цветы пятнадцать корпоративных гостей, у Маргариты Львовны в кофейне был отдельный праздничный обед на сорок человек. Это публичное знание. Второе — что у меня вчера был год во главе компании. Тоже публичное. Третье — что мне «дали год спокойствия». Это — оценка субъективная. Так пишет человек, который весь этот год был рядом и наблюдал, как я живу. Не из новостей. Из коридора, из приёмной, из совета, из «Бергамо», из чего угодно — но рядом.

— И ты думаешь?

— Я думаю, что у нас, Кирилл, началась вторая партия. Я думаю, что «С.» два года назад был только разминкой. Я думаю, что год назад у меня просто была первая открытка от соперника, а сегодня — начало игры.

— И ты думаешь, кто?

Саша помолчала.

— Я пока не думаю. Я хочу до полудня не думать. У меня в одиннадцать встреча у отца — годовой обзор с Шестаковой. Я хочу пойти туда и посмотреть на всех в зале как на чистый лист. Один раз. Без гипотез.

— Хорошо.

— А вечером — я хочу, чтобы мы с тобой и Лесновским сели и сделали список.

— Сделаем.

Кирилл встал, обошёл стол, наклонился, поцеловал её в макушку. Это движение он сейчас сделал не так, как делал в обычные утра, — а так, как мужчина делает, когда понимает, что женщине рядом с ним нужна на ближайшие сутки только одна вещь: чтобы никто не сомневался в её способности с этим справиться.

— Александра.

— Да.

— Если это «П.» — это, видимо, не Полонский. Полонский в пятницу улетел в Сочи на два месяца. Он мне вчера прислал открытку с горой.

— Я знаю.

— Кто бы это ни был — мы его обыграем.

— Я знаю.

Он ушёл переодеваться. Саша закрыла ноутбук, не двигаясь со стула, и впервые за это утро позволила себе одну тихую мысль:

«А что, если это и не "кто", а "что"? Что, если у нас в компании есть не злоумышленник, а старый структурный изъян, который ровно сейчас, после моего вступления в права год назад, наконец нашёл, через какую щель ему вылезти?»

Эту мысль она тоже спрятала под условный «отложенный список». Это была её собственная техника, ещё цюрихской выучки: всё, что приходит в голову до полудня в первый день кризиса, — отдельно. Это всё «гипотезы первой волны». Они почти всегда оказываются неправильными. Но иногда у них в подкладке прячется главная, и тогда, на седьмой день кризиса, человек неожиданно вспоминает, что у него она была — ещё в первое утро.

В половине одиннадцатого в кабинет Виктора Андреевича Веденеева на двадцать втором этаже зашла Анжелика с почтой.

Виктор Андреевич сидел у окна. Не за столом — на маленьком приставном стуле, который сам перенёс к окну ещё прошлой осенью, после того как его психотерапевт сказал ему: «Виктор Андреевич, у вас на столе сидит ваша работа. Когда вы хотите подумать о своей жизни, садитесь куда-нибудь ещё в этой же комнате. Можно к окну».

Анжелика положила перед ним стопку — четыре конверта.

— Виктор Андреевич, у вас сегодня обычная почта. Один корреспондент я бы хотела отметить отдельно. Третий конверт.

— Спасибо, Анжелика.

— Что у нас в одиннадцать?

— У меня в одиннадцать встреча с дочерью и Шестаковой. Годовой по фонду «Старый Семён».

— Кофе перед?

— Без молока.

— Хорошо.

Анжелика вышла. Виктор Андреевич взял первый конверт — обычное письмо из ЦБ, плановое уведомление. Второй — из аудиторской фирмы, тоже плановое. Четвёртый — приглашение на ежегодную церемонию какой-то отраслевой премии, которая его никогда особо не интересовала.

Третий конверт был странный.

Бумажный, плотный, серый, без обратного адреса. Только марка — внутрироссийская, штемпель — Подольский главпочтамт, дата вчерашняя. Подписано имя Виктора Веденеева, аккуратным, почти каллиграфическим почерком чёрной шариковой ручкой. Никакой курьерской отметки.

Виктор Андреевич надорвал конверт. Внутри был один лист бумаги. Ксерокопия. Та самая, специфически серая ксерокопия с лёгким сдвигом тонов, какая получается, когда копируют со старой пишущей машинки через копировальный аппарат конца девяностых.

Лист был исписан с двух сторон.

Виктор Андреевич надел очки.

Через четыре строчки он узнал почерк.

Через семь строчек он понял, что письмо адресовано не ему. Письмо адресовано Сашиной бабушке — матери Анны. И написано — Анной. Сашиной мамой.

«Мама. Я пишу тебе из Италии. Я хочу, чтобы у тебя была от меня запись об одной важной вещи, на случай, если в нашей с Витей жизни в ближайший год что-то будет не так. Я знаю, что я тебе ничего не говорила раньше про себя, и я не хочу, чтобы ты сейчас об этом узнала плохо. Я была у врача в декабре. У меня есть основания думать, что я не доживу до тех лет, до которых, я надеялась, доживу. Я не сказала Вите, потому что у нас сейчас компания на хорошем взлёте и я не хочу, чтобы он сейчас отвлекался на меня. Я не сказала Лизочке Карелиной, потому что у нас с ней давно нет привычки делиться плохим. Я говорю тебе, потому что у тебя — у моей мамы — есть право знать первой. И ещё потому, что у меня к тебе одна просьба.

Если со мной что-то будет — у девочки, которая у нас с Витей родится через четыре месяца, в Италии будет одна маленькая страховка. Я её оформила. Документы у Скальдиа на Виа Брера. Виа Брера, 12, Милан, нотариус Луиджи Скальдиа. Если меня не станет раньше, чем я смогу ей сама объяснить — расскажи ей, когда ей исполнится двадцать девять. Тогда — а не раньше. Раньше она не справится с тем, что я там оставила. Потом — справится.

Мама. Я очень люблю Витю. Я очень люблю папу. Я очень люблю тебя. У меня сейчас всё хорошо, я в Милане, тепло, я ем мороженое и читаю старые письма дедушки на итальянском. Если бы у меня было больше времени — я бы написала тебе книгу. Но у меня его, видимо, нет, и я тебе пишу одно письмо.

Целую.

Анна».

Виктор Андреевич снял очки.

Он сидел абсолютно неподвижно ровно двадцать одну минуту. Кофе, который Анжелика принесла в одиннадцать ноль четыре, остыл. Анжелика дважды заглянула в кабинет, обе раза увидела на его лице то самое выражение, на которое за двенадцать лет научилась не заходить, и обе раза вышла.

В одиннадцать двадцать восемь Виктор Андреевич надел очки обратно. Поднял трубку служебного телефона.

— Анжелика.

— Да, Виктор Андреевич.

— Звоните в институт. Доктору Семирамидову.

— Сейчас?

— Сейчас. Скажите, что я буду у него сегодня в четыре. Если у него четыре занято — я подожду до пяти. Если у него весь день занят — я приеду без записи и буду ждать в коридоре.

— Поняла, Виктор Андреевич.

— И ещё.

— Да.

— Дочери ничего не говорите. По любому вопросу. Сегодня ничего. Я к ней потом сам подойду.

— Поняла.

— Спасибо.

Он положил трубку.

И впервые за шесть лет, с момента смерти жены, заплакал.

Не громко, не сорванно. Ровно, тихо, две минуты. Так, как плачет мужчина, которому очень долго казалось, что он один в своём горе, и который только что узнал, что жена об этом своём горе двадцать девять лет назад успела поговорить с её мамой через ксерокопию и Италию.

Через две минуты он встал. Умылся в ванной комнате, примыкавшей к кабинету. Поправил галстук. Сел за приставной столик у окна.

В одиннадцать тридцать одну Анжелика по селектору доложила: «Александра Викторовна с Кириллом Аркадьевичем и Ирина Леонидовна — в приёмной».

— Зови всех, — сказал Виктор Андреевич ровным голосом.

И три самых важных в его сегодняшней жизни человека вошли в кабинет.

В двенадцать ноль четыре Шестакова закончила презентацию. Слайды по фонду «Старый Семён» были безупречны: пять региональных компаний-получателей за прошлый год, общая сумма гранта, прозрачная отчётность по освоению, аудиторское заключение, годовой план на следующий цикл. Шестакова говорила ровно, спокойно, без эмоции, как умела говорить только она. У неё на запястье — те же тонкие золотые часы, что и год назад. У неё на плечах — тот же простой серый жакет, что и в зале совета два года назад.

— Спасибо, Ирина Леонидовна, — сказала Саша, когда презентация закончилась. — У меня один вопрос.

— Слушаю, Александра Викторовна.

— Третья компания. «Велес-Транс», Калуга. На тридцать процентов принадлежит люксембургскому фонду San Pietro Holdings. Это так?

Шестакова не моргнула.

— Так. Мы проверяли структуру до того, как делать грант. У этого фонда чистая регистрация, в санкционных списках не присутствует, бенефициар — частный инвестор без публичной идентификации.

— Меня интересует не санкционный статус. Меня интересует, что San Pietro Holdings, по моим источникам, владеет также чуть менее двух процентов «ВЕДА-Аналитики». Через цепочку трёх посредников.

Шестакова склонила голову.

— Я об этом не знала. Это, безусловно, надо проверить. Я уточню в течение сегодняшнего дня и завтра дам вам полный отчёт.

— Спасибо, Ирина Леонидовна.

Шестакова собрала бумаги. Встала. Пожала руки — сначала Виктору Веденееву, потом Кириллу, потом Саше. Её ладонь была сухая, прохладная, спокойная. У неё рукопожатие было точно такое же, как год назад. Точно такое же, как два года назад — Саша помнила его с первого совета.

Она вышла.

В кабинете остались Виктор Андреевич, Саша и Кирилл.

— Папа, — сказала Саша. — Ты выглядишь усталым. Ты не спал?

— Я не спал хорошо, — спокойно ответил Виктор Андреевич. — Но не из-за вчерашнего.

— Что случилось?

— Я тебе вечером расскажу. Сейчас у меня к четырём встреча.

— С кем?

— С Семирамидовым.

Саша подняла бровь. Семирамидов был фамилия отцовского психотерапевта — она об этом узнала случайно полгода назад, увидев бумажку с напоминанием в его портфеле. Виктор Андреевич об этом не знал.

— Хорошо, папа.

— Сашенька.

— Да.

— У тебя сегодня всё нормально?

— У меня сегодня нормально.

— Точно?

— Папа.

— Что?

Саша посмотрела на отца внимательно. Не как дочь — как акционер. У него за плечами был один день, в который её вчера никто бы не уговорил расстаться с пятьюдесятью одним процентом «ВЕДА-Аналитики». Сейчас она бы выкупила у него за один день любой пакет.

— Папа, я люблю тебя, — сказала она негромко. — Если у тебя что-то — ты мне расскажи. Не отдельно. Сегодня. Хочешь, я приду к Семирамидову с тобой и подожду в коридоре?

Виктор Андреевич впервые за всё утро улыбнулся.

— Не приходи. Я хочу один.

— Тогда я тебя жду на ужин.

— Хорошо.

Они обнялись. Это было их первое объятие в его рабочем кабинете за двадцать лет. Анжелика, заглянувшая в дверь с напоминанием о следующей встрече, увидела это объятие и тихо отступила обратно в приёмную, не нарушив.

Саша и Кирилл вышли.

В лифте — двадцать восемь секунд молчания.

— Кирилл.

— Да.

— У моего отца с самого утра что-то не так. Что-то, что меня касается, и что-то, что он со мной сегодня не разделит. Это первый раз за два с половиной года.

— Я заметил.

— Он сегодня к Семирамидову не сам по своей графике пошёл. Он экстренно записался.

— Я заметил.

— Это связано с нашим «П.»?

— Я думаю, да.

— И что мы с этим будем делать?

— Мы будем ждать, пока он сам нам не расскажет. Если до десяти вечера не расскажет — мы вечером приедем к нему на дачу и поговорим.

— Договорились.

Двери лифта открылись на первом. Геннадий Геннадьевич коротко кивнул им из-за стойки.

На улице был май, солнечный, тёплый. Через дорогу горела вывеска «Бергамо», в окно которой через стекло витрины Саша мельком увидела Маргариту Львовну — та сидела у кассы и читала «Знамя» восемьдесят шестого года.

«Знамя» восемьдесят шестого года.

Это была деталь, на которую Саша в этот момент посмотрела одну секунду дольше обычного — и тут же забыла. У неё было слишком много в этот день, чтобы остановиться на чужой подшивке журналов. У неё было сообщение от «П.» в кармане, отец с непонятным письмом наверху, Шестакова с San Pietro где-то в коридоре, и Кирилл рядом, держащий её за плечо так, как держат за плечо человека, у которого впереди очередная длинная партия.

Эту секунду внимания к «Знамени» восемьдесят шестого года она вспомнит ровно через двадцать семь дней. Это будет глава седьмая. И в этой главе Маргарита Львовна расскажет ей одну историю, после которой имя «П.» в Сашиной таблице переместится с одиннадцатой строки на первую.

Но это всё — потом.

А пока — она и Кирилл переходили через дорогу в кофейню «Бергамо» обедать. Маргарита Львовна, увидев их в окне, отложила «Знамя» и потянулась к кофемашине. Тимофей за второй кофемашиной, не поворачиваясь, негромко сказал в потолок: «У меня сегодня пло-

хой день». «У тебя любой день плохой», — машинально, по старой памяти, отозвалась Ника, выходящая из подсобки с тарелкой круассанов.

И жизнь — обычная, мирная, никому ещё не страшная — продолжилась.

В Лондоне в эту минуту, в три ночи по их времени, в одной из закрытых ячеек электронного депозитария «Skaldia & Figlio» автоматически проснулся таймер. Он показал даты создания записи и текущую дату. Разница составляла десять тысяч девятьсот восемьдесят восемь дней. Тридцать лет, четыре месяца, восемнадцать дней.

Запись, прикреплённая к таймеру, гласила: «Allegato A. Lettera di Anna Загорская alla figlia. Da aprire al raggiungimento del 29° compleanno della figlia o successivamente, su sua richiesta.»

Двадцать девятый день рождения наследницы прошёл девять дней назад.

Письмо ждало.